

Георгий Зубков: «Чтобы жить долго, жить надо интересно»

Наверняка, многие узнают этого человека даже по голосу. Ведь именно он, работая в Париже корреспондентом Гостелерадио, открывал «невыездным» советским людям Европу.

Мы видели его репортажи в программе «Время» и «Международной панораме»,

он был одним из основателей радиостанции «Маяк», стоял у истоков цветного телевидения в СССР, и даже составил до сих пор актуальное пособие по технике речи для дикторов телевидения и радио.

И сегодня, в свои 95 лет, он молод душой, ему интересно всё, что происходит в этом мире.

О прошлом и настоящем, о России и Франции, о людях и событиях в его жизни мы беседовали с патриархом советской и российской журналистики Георгием Зубковым

Георгий Иванович, ваш отец, Герой Социалистического Труда Иван Георгиевич Зубков, был начальником «Ленметростроя», одним из руководителей обороны Ленинграда, мама, Евгения Константиновна Выходцева, была учительницей. Казалось бы, вам прямая дорога либо в инженеры, либо в педагоги, а вы пошли на международный факультет МГУ, из которого позже «отпочковался» МГИМО.

Почему – именно журналистика?

Знаете, с тем же успехом я мог стать дипломатом. Скорее, это была цепь случайных, событий, и, пожалуй, вкус к международной

журналистике я почувствовал, только когда начал работать во Франции, где с 1972 по 1981 годы возглавлял региональное корреспондентское отделение телевидения и радио по странам Западной Европы. Там, во Франции, я и сформировался, как журналист-международник.

Вы работали в Европе в разгар «холодной войны».

А были случаи, когда цензура не пропускала в эфир ваши материалы?

Нет, наверное, я не давал повода для этого, хотя, многое было, что называется, «на грани». Как-то я сообщил в Москву, что буду готовить для «Международной панорамы» репортаж о выступлениях французов против повышения цен на бензин. Казалось бы, безобидная тема. Но ведь и советский зритель не дурак, он сразу сообразит, что французы так ополчились против повышения цен на бензин, потому что почти у всех есть машины. Тогда получается, что французы живут лучше нас, и не очень-то они там «загнивают» вместе с их проклятым капитализмом. Конечно, при желании, можно было запретить такой «скользкий» репортаж, но он прошёл по Центральному телевидению.

У вас есть формула журналистского успеха?

Я всегда стремился к тому, чтобы довести «до накала» каждый репортаж, чтобы у каждого материала была своя драматургия, способная увлечь зрителя. Слова, обращенные в образ, и стали моей творческой философией, творческой формулой, если хотите. Конечно, факт – наш журналистский хлеб, но полноценная журналистика – это осмысление факта.

Говорят, вы были одним из отцов-основателей радиостанции «Маяк»?

В 1964 году, нас, нескольких журналистов, пригласили в отдел пропаганды ЦК, и поручили создать новую по форме и манере подачи материала радиостанцию. Мы сразу предложили: каждые полчаса даём новостные выпуски, перемежаемые музыкальными вставками, причем музыка должна быть самая современная. С тех

пор наши журналисты-международники привозили из зарубежных командировок не колготки любимым женщинам, а музыкальные новинки, и мы ставили эту музыку на «Маяке». И новостные выпуски делали не так, как сегодня, когда одну и ту же новость слово в слово гоняют по кругу целый день. Наши редакторы буквально за несколько минут так переделывали текст, что каждый новостной выпуск отличался от предыдущего. Это был наш стиль, наш почерк.

В начале 60-х вы входили в пресс-группу Хрущёва, сопровождали его в зарубежных поездках.

Как работалось со слабо предсказуемым Никитой Сергеевичем?

Нормально работалось. Однажды я с ним даже поспорил, и выиграл спор. А дело было так. Наша делегация во главе с Хрущевым прибыла в Болгарию, и на центральной площади в Софии, перед мавзолеем Георгия Димитрова, должен был состояться митинг болгаро-советской дружбы. А перед этим Хрущёв сказал мне: «Вот смотри, Георгий, какие американцы шустрые, – не успел я что-то сказать, а они уже об этом сообщают!». Я говорю: «И мы так можем, Никита Сергеевич». Он усмехнулся: «А давай проверим. Этот митинг в Софии закончится в 18 часов. Сможешь сделать так, чтобы наше радио тут же передало сообщение об этом митинге?». И вот до конца митинга остаётся минут пятнадцать, а как передать в Москву информацию? Иду к болгарам, включаю всю свою наглость, и прошу телефон. Они глаза выкатили: «Да ты что? Это же мавзолей, святое место, какой тебе тут телефон?!». А я отвечаю: «Придется доложить куда следует, что у вас даже телефона нет». Ну, сразу телефон нашелся. Я позвонил в редакцию Иновещания на Пятницкой, 25, передал стенографистке текст и потребовал, чтобы его сейчас же выдали в эфир. Так эта информация и вышла ровно в 18 часов, в последних новостях, их читал Игорь Кириллов. Хрущеву это понравилось, да и мне было приятно, все-таки не каждый день выигрываешь спор у первого секретаря ЦК КПСС!

Вы вели репортажи с демонстраций и парадов на Красной площади.

Импровизации там позволялись?

Давайте я расскажу вам историю про импровизацию. Как-то я принес на согласование председателю Гостелерадио всесильному Сергею Лапину сценарий парада 7 ноября. И вот читает он сценарий, видит – белая страница. «А это что такое?» – спрашивает. «А это, Сергей Георгиевич, импровизация». Он вскинулся: «Как это – импровизация?!». Я ему объясняю: «Мы же не можем заранее предугадать, что да как там пойдёт, вот и оставили место на всякий случай». Он перелистал сценарий, – опять белая страница. «А это что?». «А это – тоже импровизация». Тут Лапин закрыл папку и вернул её мне со словами: «Сначала завизируй, а потом – импровизируй!». Эта фраза мгновенно стала поговоркой и у радищиков, и у телевизионщиков.

С 1972 по 1981 год вы работали в Париже. Как выбирали темы для репортажей?

В семидесятые у нас мало кто мог выехать за границу, тем более, в капиталистическую страну, и я хотел, чтобы мои репортажи были для советских зрителей «окном в мир». Поэтому вдобавок к обязательным материалам, например, о забастовках, безработице и прочих «язвах капитализма», я делал и репортажи по «безтемыю», – так на телевидении называют материалы, выходящие за рамки обязательных тем. Конечно, за такое «вольнодумство» можно было и получить нагоняй от начальства, но зато потом я получал от телезрителей тысячи писем с благодарностями. Делал репортажи о том, что было интересно мне самому. Например, как-то сделал целый мини-фильм об истории появления джинсов. Первую джинсовую ткань произвели на юге Франции, в городке Ним, это в Лангедоке, на границе с Провансом. Фабрика, между прочим, принадлежала Винсену Доде, отцу писателя Альфонса Доде. Из

этой ткани делали паруса, и испанцы, плававшие в Америку, обнаружили, что синяя парусина не выцветает даже от морской воды, а наоборот, становится ярче. Тогда из этой ткани в Америке и начали шить рабочие штаны. Так что, к появлению джинсов имеют отношение три страны – Франция, Испания и США.

А ещё у вас были интересные репортажи о французской кухне и вине,

вы ведь даже книги на винно-гастрономическую тему писали...

Конечно, я же десять лет прожил в стране с самой изысканной кухней и винами! Даже стал обладателем почетных титулов, – «Рыцарь французской гастрономии» и «Кавалер галантного бокала» за популяризацию этой кухни и этих вин, ставших неотъемлемой частью национальной культуры Франции. Французы ревностно относятся к качеству своих вин, стандарты у них высочайшие, они свято блюдут золотое правило: вино должно иметь географическую «привязку». И если это моё любимое бордо, оно должно быть произведено только на виноградниках в Бордо. Всё остальное для знатока – не стоящая внимания кислятина. Но, разумеется, самое интересное во Франции – это люди. Среди моих друзей были великолепный актер и режиссер, добрейший Робер Оссейн; великий мим Марсель Марсо. Не многие знают, что Марсель был и прекрасным художником со своей оригинальной манерой письма. В имении Марсо, переделанном из обычной фермы, все стены были увешаны его картинами. Он и мне подарил несколько своих картин. В жизни это был очень скромный человек, из-за этой своей скромности не раз попадавший в курьезные ситуации. Как-то я приехал к нему в московскую гостиницу, и обнаружил, что великий, известный всему миру мим... Дело в том, что его ритм жизни просто не совпадал со временем обеда и ужина в отеле. Я прошёл на кухню ресторана, попросил поваров организовать обед для Марселя, и вскоре в его номер вкатили тележку, полную еды.

Вы работали на телевидении и радио, писали повести и пьесы, преподавали в РУДН,

вместе с Андреем Красильниковым стояли у истоков

советского политического телевизионного театра.

Как вы всё это успевали?

Я всегда ставил перед собой сложные задачи, которые, хочешь не хочешь, а надо было решать. Условно говоря, должен был писать хотя бы страницу в день, через «не могу» и «не хочу». Просто на кураже многого не сделаешь, в творчестве огромное значение имеет самодисциплина, собранность, требовательность к себе. Как-то я увидел на стене кабинета одного французского писателя его «план жизни», расписанный на несколько лет. Вот и я всю жизнь составляю себе такие планы, иначе ничего не успел бы сделать. Мой отец погиб в 1944 году, не дожив месяца до своего сорокалетия, сейчас я уже на 55 лет старше отца. Незадолго до своей гибели он подарил мне, тогда еще школьнику, книгу, и написал на ней строчки из Киплинга – «Наполни смыслом каждое мгновенье, часов и дней неумолимый бег, тогда весь мир ты примешь во владенье, тогда, мой сын, ты будешь Человек». Для меня это стало напутствием на всю жизнь.

Наверное, многие хотели бы узнать секрет вашего творческого долголетия...

А никакого секрета нет. Я себя особо не берёг, не «режимил», никакой специальной диеты не соблюдал.

Надо просто жить интересно, тогда и жизнь будет долгой. Правила несложные: поменьше ворчать,

побольше двигаться, делать людям добро, постоянно совершенствоваться, и – не стареть душой.

Беседовал Григорий Саркисов